

officers and men. L., 1974; *Bhatia H.S. Political, legal and military history of India. Vol. 7–8. New Delhi, 1999.*

¹¹ Подробнее см.: *M'Call Theal G. South Africa (The Cape Colony, Orange Free State, South African Republic, Rhodesia and all other territories south of Zambezi)*. L., 1900; *Duffs J. Portuguese Africa. Cambridge (Mass.), 1959; Nutting A. Scramble for Africa. The Great Trek to the Boer War. L., 1970; Kiewiet G.W., de. A history of South Africa. Social and economic. Oxford, 1991.*

¹² *Kennedy P. The rise and fall of British naval mastery. L., 1991; Meyer J., Acerra M. Histoire de la Marine Française des origines à nos jours. Rennes, 1994; Sanchez R.T. Historia de un triunfo. La Armada Espanola en el siglo XVIII. Madrid, 2014; Historia militar de Espana. Edad Moderna. Vol. 3. Madrid, 2014; Paoletti C. A military history of Italy. Westport; L., 2007; Cernushi E., Gazzi A., Gaetani M.-M. Sea Power. The Italian Way. Rome, 2017.*

¹³ Life of the late gen[eral] William Eaton; several years an officer in the United States' army, consul at the regency of Tunis on the coast of Barbary, and commander of the Christian and other forces that marched from Egypt through the desert

of Barca in 1805 and conquered the city of Derne which led to the treaty of peace between the United States and regency in Tripoli. Principally collected from his correspondence and other manuscripts. Brookfield, 1813; *Tucker G. Down like Thunder. The Barbary wars and the birth of the US Navy. Indianapolis, 1963; Leiner F.C. The end of Barbary terror: America's 1815 war against the pirates of North Africa. Oxford, 2006.*

¹⁴ *Monteith W. Kars and Erzeroum: the campaigns of prince Paskiewitch in 1828 and 1829, and an account of the conquests of Russia beyond the Caucasus, from the time of Peter the Great to the treaty of Turcoman Chie and Adrianople. L., 1856; Sykes P.M. A history of Persia. Vol. 2. L., 1915.*

¹⁵ Письмо Бонопарте государям Европы // Сын Отечества. 1815. № 17. С. 194–196.

¹⁶ *Богданович [М.И.] История царствования императора Александра I и Россия в его время. Т. 5. М., 1871. Приложения к главе LIV. С. 1.*

¹⁷ *Мартенс Ф./Ф.И Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россиею с иностранными державами. Т. 3. СПб., 1876. С. 231–315.*

¹⁸ Там же. Т. 4. Ч. 1. СПб., 1878. С. 6.

¹⁹ Там же. С. 33.

Михаил Алмазов

Ф.А. Головин и его мемуары*

*Mikhail Almažov
(Lomonosov Moscow State University, Russia)*

F.A. Golovin and his memoirs

DOI: 10.31857/S2949124X25010168, EDN: AHZNLS

Сотрудники Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) А.К. Афанасьев и М.А. Горячева подготовили научное издание воспоминаний Ф.А. Головина – одного из лидеров либерального земского движения и Конституционно-демократической партии, председателя II Государственной думы и комиссара Временного правительства, управлявшего дворцовым ведомством.

В 1920–1950-х гг. в журналах «Красный архив» и «Исторический архив» уже публиковались отдельные его очерки, созданные в начале 1910-х гг. и рассказывавшие о Николае II, П.А. Столыпине, С.А. Муромцеве и П. Думе¹. Теперь же читатели могут ознакомиться с самой поздней редакцией мемуаров, появившейся в конце 1920-х – 1930-е гг. (с. 10, 267, 315). В ней автор впервые попытался дать целостное изложение событий

* Головин Ф.А. Воспоминания. 1870–1918 / Сост. А.К. Афанасьев, М.А. Горячева. М.: Новый хронограф, 2020. Серия «От первого лица: история России в воспоминаниях, дневниках, письмах». 640 с., ил.

своей жизни и вписать их в контекст эпохи. В результате появились три не-законченные рукописи — «семейная хроника», названная «Последние Головины» (с. 13–251), «Воспоминания о московском земстве» (с. 266–305) и «Том II», озаглавленный в 1934 г. «Государственная дума» (с. 314–555).

Взяться за пространное описание минувшего Фёдор Александрович задумал ещё на рубеже 1900–1910-х гг. В его личном архивном фонде в РГИА, основу которого составили документы, конфискованные при аресте в 1919 г., сохранился развернутый план-проспект воспоминаний, охватывающий период с 1904 г. (борьба министра внутренних дел В.К. Плеве с земством) до лета 1907 г.² Частично эти сюжеты нашли отражение в мемуарных фрагментах, написанных в 1910-х гг. и напечатанных в советское время. В 1919 г. мемуарист сделал краткий набросок «Последние Головины», собираясь дополнить и продолжить историю своего рода, выпущенную в 1847 г. П.С. Казанским³. Полностью осуществить этот замысел Фёдор Александрович не успел: в 1937 г. его расстреляли. К тому времени повествование о «Последних Головинах» обрывалось на, очевидно, заключительной главе «Рассказы тётушек» (с. 250), о «Государственной думе» — на характеристике П.Н. Милюкова и М.В. Челнокова в главе «Си-луэты» (с. 545–555). От воспоминаний о земстве сохранились лишь предисловие и девять глав, из которых было вырезано немало листов (с. 267–308). По мнению Афанасьева, плохая сохранность текста могла объясняться опасениями автора, понимавшего, что, попав в НКВД, его рукопись скомпрометирует упомянутых в ней лиц и их родственников (с. 9). Однако зять Головина профессор Н.Н. Малов сумел сохранить записки тестя и в 1984 г. передал их на хранение в ОПИ ГИМ (с. 6–7).

В «семейной хронике» Фёдор Александрович тщательно воссоздал обстоятельства жизненного пути родителей, отчима, братьев и сестры. Отца мемуарист лишился в 6 лет. Мать Фёдора Александровича, дочь психиатра Ф.И. Красовского, «рождённая и воспитанная в среде московской интеллигенции, разделяла взгляды и убеждения, господствовавшие в то время в этой среде», и «всегда в разговорах проявляла себя демократкой» (с. 126). Она запомнила литературные новинки на разных языках и интересовалась ими значительно больше, нежели хозяйством и занятиями детей (с. 56, 244–245).

Отчасти это компенсировалось пристальным вниманием к ним отчима — С.И. Костарева. Искусный хирург, имевший в Москве большую практику, и атеист, который «любил жизнь и умел пользоваться ею», он после смерти первой жены «пережил какой-то резкий душевный кризис» и «стал глубоко верующим человеком» и вегетарианцем, «отказавшись навсегда от употребления не только мяса, но и рыбы и молочных продуктов». С тех пор он бросил курить, ревностно относился к церковным службам, «прекратил посещение увеселительных заведений и гостей», перестал оперировать и полностью сосредоточился на научной работе и редактировании журнала «Летопись Московского хирургического общества» (с. 48, 55). При этом, «ведя жизнь аскета, он презрительно относился к тем, кто держал себя иначе». Неудивительно, что этот «человек недюжинного ума и железной воли», «непризнанный Саванаролла (так в тексте. — М.А.) XIX века» обычно «вызывал в людях враждебное к себе чувство». Дети его боялись, хотя отчим никогда их не наказывал: «Он внимательно следил за нашим физическим и духовным развитием,

он заботливо внедрял в наше детское сознание идеи долга человека в отношении общества и самого себя. От его зорких глаз и проницательности не ускользали никакие наши провинности и ошибки; они тотчас получали острую оценку в его устах и соответствующее суровое, иной раз язвительное внушение» (с. 49–50).

Пасынки смотрели на него, как кролики на удава. «Мы жили по его предписаниям, — писал мемуарист, — видели мир его глазами, проникались его убеждениями, постепенно теряя детскую ревность и беззаботность. Жизнь нам представлялась тяжёлым подвигом; мы проникались сознанием, что человек обязан глушиТЬ свои “греховные” мирские желания и посвящать свою жизнь мало понятной нам идее общественного долга. Мы превращались в каких-то мрачных пессимистов; боязнь жизни овладевала нами». Семья неукоснительно посещала богослужения по праздникам, субботам и воскресеньям, усердно постилась (с. 54–55). «Нас убеждали в том, — вспоминал Головин, — что человек создан не для наслаждения жизнью, а для служения Богу и обществу. Постоянное самоусовершенствование, достигаемое ежеминутно борьбою со своими низменными желаниями и страстями, — вот задача для человека. При таком взгляде на назначение человека жизненный путь казался тяжким и страшным» (с. 64).

В такой обстановке радоваться и шалить Головиных учили сторож и садовник П. Басолаев, «николаевский солдат, бывший в походах и сражениях под Севастополем» (с. 64). Мемуариста он научил плавать, косить и колоть дрова. «Это последнее искусство, — писал Фёдор Александрович, — мне очень пригодилось в первые тяжёлые годы жизни после Октябрьской революции» (с. 62). Через Басолаева он и его братья знакоми-

лись с миром народных представлений и суеверий (с. 62–84).

Воспитанием и образованием детей в семье сначала занимались русские няни и гувернантки (преимущественно француженки), далеко не всегда пользовавшиеся должным авторитетом (с. 85–94). В московском Императорском лицее в память цесаревича Николая, где Головин учился в 1878–1887 гг.⁴, по свидетельству мемуариста, «главным предметом нашего обучения были древние языки. Эти мёртвые языки мёртво и изучались. Зубрение грамматических правил, дотошный разбор грамматический и синтаксический греческого и латинского текстов, скучнейшие и труднейшие переводы с русского на древние языки... мучили нас невероятно» (с. 107). В итоге, «чрезмерное увлечение изучением древних языков, быть может, и развивало гармонично все стороны наших мозгов и более или менее успешно подготовляло нас к изучению любой научной дисциплины, но в то же время оно убивало в нас жизненную энергию, притупляло нашу восприимчивость и наблюдательность и вырабатывало из нас каких-то полумёртвых схоластиков, путающихся в тонкостях словесных выражений и отвлечённых идей, совершенно не подготовленных к практической деятельности в какой-либо области» (с. 113). Как отмечал другой видный кадет — В.А. Маклаков, в классической гимназии «главными жертвами были всегда преуспевшие, первые ученики», поскольку «они потом меньше лентяев оказывались приспособлены к жизни»⁵.

По словам Головина, в 1880-х гг. среди лицеистов сформировались две неформальные группы — дворянская и купеческая, обладавшие различным корпоративным самосознанием (с. 114–115). Однако их объединяло наличие общего «духа», выражав-

шегося в представлении о Лицее как о «лучшем учебном заведении того времени в Москве», и стремление к изысканности во внешнем облике и манерах. Так, «ходить по улицам с ранцем считалось неприличным», следовало посещать бельэтаж и бенуар в театре, «концерты заезжих знаменитостей», скачки и т.п. Впрочем, подобная элитарность вкусов вполне могла сочетаться с интересом к творчеству передвижников (с. 115–116). Директор Лицей М.Н. Катков «был царь и бог в своём заведении». Лицейсты «трепетали» перед ним, «но не очень», поскольку «он редко появлялся», а в острых ситуациях его роль «сводилась, обычно, к улаживанию конфликта так, чтобы воспитанники пострадали минимально». Характерно, что за девять лет им были исключены только два питомца. Если же он «приходил в класс во время урока, то молча усаживался рядом с учителем за кафедрой и просиживал так до звонка», что «приводило, видимо, в смущение учителя, но... ученикам было более или менее безразлично» (с. 118).

Среди преподавателей преобладали заурядные и малосимпатичные личности, как строгий, болезненно самолюбивый и злопамятный датчанин Т.И. Ланге, учивший детей древним языкам, но говоривший по-русски с грубыми ошибками (с. 108–109). Историк В.В. Назаревский, «убеждённый монархист, ярый националист и слепой последователь учения Русской Православной Церкви» (впоследствии – председатель Московского цензурного комитета), «пытался такими же сделать и своих учеников, но, не обладая ни умом, ни тактом, ни достаточно широким образованием, он не мог иметь на нас влияние». Подростки «смеялись над его жалкими потугами доказать преимущества монархического образа правления над республиканским» (с. 110–111).

«Талантливым педагогом» Головин считал только В.А. Грингмута, у которого занимался древнегреческим, оставшись по воле Ланге на второй год. В середине 1880-х гг. будущий главный редактор «Московских ведомостей» и лидер Русской монархической партии «вёл урок живо, держа класс всё время в напряжённом внимании... Остроумными шутками, удачными сравнениями, образными выражениями он старался оживить и облегчить запоминание сухих грамматических правил» (с. 109–110). Даже в 1930-е гг. Головин не скрывал своей признательности: «Относясь чрезвычайно отрицательно к Грингмуту как к общественному деятелю, я должен с искренней благодарностью вспомнить о нём как о своём дорогом учителе, который имел большое и благотворное влияние на общее умственное развитие своих учеников, вызывая в них своими талантливыми лекциями о самых разнообразных отраслях человеческих знаний интерес к науке и искусству» (с. 110). Развитию вкуса к классической литературе заметно способствовало и то, что репетитором Головина по древним языкам какое-то время был поэт В.И. Иванов, в то время – студент историко-филологического факультета Московского университета (с. 191–197).

Оказавшись в 1887 г. на юридическом факультете, Головин вскоре счёл слушание лекций «малополезной тряской времени», предпочитая знакомиться с ними по чужим конспектам, отпечатанным на гектографе. Педель, контролировавший посещаемость, брал деньги «на чай» и не мешал жить «в своё удовольствие» (с. 142, 159). Вероятно, именно поэтому протестные настроения почти не затронули тогда Фёдора Александровича. Он лишь походя упоминает о том, как участвовал в забастовке «в конце 1887 или в начале 1888 г.», уйдя с лекции

по требованию товарищей (с. 163), добивавшихся удаления инспектора А.А. Брызгалова и освобождения студента Е.Л. Синявского, который дал тому пощёчину⁶. Брызгалова Головин видел «только два раза», когда получал у него входной билет в университет, но решительно утверждал, что это был не только «формалист», но и «типичный черносотенец-охранник, ненавидимый студентами и сам ненавидевший студентов». В целом же, по мнению аристократа-прогульщика, «никогда студенческие волнения и беспорядки не были столь часты и столь значительны, как при новом уставе с его формой и другими, столь же “целесообразными” мероприятиями» (с. 141).

В целом домашнее воспитание лишь усиливало у детей врождённую предрасположенность к психическим расстройствам, унаследованную ими от отца, ещё до свадьбы лечившегося от душевной болезни. Из четырех его сыновей двое покончили жизнь самоубийством, один впал в буйное помешательство, длившееся 20 лет, до самой смерти. Лишь Фёдор Александрович смог завести семью, оставить двух дочерей и дожить до старости. Но и он страдал от меланхолии, часто замыкался в себе, увлекался иллюзиями, избегал общения и так и не выработал способности к систематическому труду. В своих поздних мемуарах он не скрывал пессимистического фатализма: «Подобно последнему дворянству, последние Головины не могут найти себе места в современной жизни. Они живут ещё, так сказать, по инерции, истоками прошлого, но им суждено уступить своё место в жизни новым, здоровым представителям народа» (с. 238).

Ф.А. Головину долго не удавалось выбрать род деятельности: «тянуть лямку какого-нибудь Акакия Акакиевича» демократически настроенному барину, испытавшему влияние тол-

ствства (с. 158), не хотелось, служба земским начальником казалась ему чуть ли не реставрацией крепостничества (с. 164), гораздо приятнее было представлять себя художником (с. 153–154) или дипломатом (с. 170). Благодаря случайному предложению знакомого, Головин оказался в дмитровском уездном земстве, где после реформы 1890 г. из-за недостатка дворян в гласные зачисляли всех, прибывших на выборы (с. 171, 300–301).

Головин оставил яркое, хотя и обрывочное описание повседневности уездного дворянства – религиозных церемоний, досуга, политического индифферентизма и борьбы местных «консерваторов» и «либеральной партии» во главе с земцем Н.В. Непаниным, который, будучи «добрый, честным, общественно настроенным человеком», вёл себя, как заурядный интриган, «никаким серьёзным делом заниматься не мог», а «проповедуемые им высокие идеи... умел только оформлять в слова» (с. 281, 283). При этом противостоявший ему консервативный уездный предводитель дворянства П.В. Бахметев заявлял, что Россия «должна управляться царём и земством», а «самодержавно-бюрократический строй» считал «худшей формой государственного управления» (с. 288). Сменивший его Г.И. Кристи (впоследствии московский губернатор и сенатор) изображён «цыганом и карьеристом», ловким эгоистом, желавшим «быть всем приятным» (с. 295). Эти черты своего характера он проявил и на губернаторском посту, покинув его в октябре 1905 г., в самый напряжённый момент⁷. По мнению Головина, общаясь с такими представителями «привилегированного сословия» и обучааясь в «земских школах», крестьяне всё сильнее проникались стремлением к равноправию и изменению существующего строя (с. 272). Правда,

приговоры и наказы, составлявшиеся в деревнях в 1905–1907 гг., свидетельствуют скорее о недовольстве «сельских обывателей» деятельностью земства⁸.

Наиболее обширная часть воспоминаний Головина посвящена Государственной думе. Развивая в 1930-е гг. написанные прежде фрагменты, он рассказывал о предвыборных кампаниях в Москве и Московской губ. весной 1906 г., в частности, о том, как агитаторы конституционно-демократической партии А.А. Кизеветтер, В.А. Маклаков, Ф.Ф. Кокошкин, Н.Н. Щепкин и др. разъясняли её программу избирателям, о курьёзных столкновениях с «чёрносотенными» горожанами и т.п. (с. 322–327). Характерно, что в июне 1906 г. московские кадеты были уверены в скорой победе «народных избранников» над «бюрократическим режимом», хотя руководители «нижней палаты» (её председатель Муромцев и товарищ секретаря Кокошкин) крайне скептически оценивали подобную перспективу. Выборы во II Думу, по свидетельству мемуариста, проходили под давлением правительственные репрессий против оппозиционных партий: митинги разрешались только представителям «легализованных» организаций, газетам запрещалось печатать списки выборщиков от левых и радикально-либеральных объединений, кандидаты в выборщики подвергались арестам и обыскам и т.д. (с. 355–358).

Резко критикуя покорность монарху III Думы и «соглашательство» её конституционно-демократической фракции с царским режимом (с. 526), мемуарист в то же время отдавал должное депутатам, занимавшимся разоблачением «недостатков государственного и социального строя» (с. 348, 531). Судя по деятельности Головина в «третьеиюньский» период⁹, эти оценки в общих чертах сложились

у него ещё до отречения Николая II. В ряде любопытных зарисовок очерчена ситуация в Москве в мартовские дни 1917 г., когда антимонархические настроения демонстрировали даже такие правые политики, как А.Е. Грузинов и В.М. Пуришкевич (с. 553–555).

Подробнее всего Головин, естественно, осветил деятельность II Государственной думы. В тексте им иногда дословно воспроизводились опубликованные ранее варианты: о первом впечатлении от II Думы, о «Зурабовском инциденте», об аудиенциях у вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны 5 мая и у Николая II 19 мая 1907 г. и др. (с. 369–370, 442–443, 452–460, 462–465)¹⁰.

Но в 1930-е гг. он вместо изложения хода отдельных заседаний составил несколько тематических очерков о важнейших эпизодах или аспектах работы законодателей: «Правительственная декларация», «Агитационная деятельность Думы», «Натиск реакции» и т.д. (с. 317). Оправдывая перед читателями кадетскую тактику «бережения» Думы в условиях поражения революционного движения и неудачи Выборгского возвзания, он, ссылаясь даже на В.И. Ульянова (Ленина) (с. 345, 348), настаивал на том, что только она давала шанс для «распространения в широких народных массах освободительных идей» (с. 349). И действия II Думы, и её роспуск, по мнению мемуариста, подрывали авторитет императорской власти (с. 521). Однако «утлый думский чёлн», поддерживаемый «конституционным центром», как считал Головин, был обречён на гибель из-за враждебности министров и правых депутатов, а также неподготовленности социалистов к законодательному труду (с. 388–389, 450–451). Неудивительно, что перечисление «заслуг» II Думы, восхваляемых в воспоминаниях (утверждение штатов канцелярии и контингента но-

вобранцев, отмена закона о военно-полевых судах), выглядит довольно скромно (с. 428).

Сетовал Головин и на то, что «ни один из председателей четырёх дум не был в столь тяжёлом положении, как злосчастный председатель второй Гос[ударственной] думы», вовлечённый в конфликт с правительством и вынужденный поддерживать дисциплину в атмосфере ожесточённой борьбы и при низком уровне политической культуры правых и левых депутатов (с. 489–513).

Впрочем, признавал он и собственные недостатки, включая отсутствие председательских навыков, плохое знание думского регламента, находившегося тогда в стадии разработки (с. 490), «мягкотелость» при руководстве прениями (с. 504) и неспособность их контролировать (с. 503). Неопытный «спикер» терялся и испытывал страх, систематически вмешивался в ход дискуссий и прерывал ораторов, вызывая их недовольство (с. 496). Произнося свою первую председательскую речь, он испытал сильное потрясение: «Как молния, пронизало меня запоздавшее опасение, не взяли ли я на себя бремя не по своему плечу» (с. 367). В дальнейшем, по словам мемуариста, стресс только нарастал: «Я чувствовал, как меня нервирует таящаяся в Думе страсть, скрытая недоброжелательность ко мне, как к к[онституционному] д[емократу], со стороны левых и явная ненависть со стороны правых. До сих пор мне приходилось председательствовать в собраниях, где все члены собрания относились о мне, как к председателю, благожелательно» (с. 369). Действительно, на земских собраниях и съездах он ощущал «чувство локтя». В Думе же, если верить тому, что Маклаков говорил 27 февраля 1907 г. чиновнику её канцелярии Г.А. Алексееву, «кандидатура Головина выдвинулась как-то сама собой, так как все ценили его за стойкость и умение выдерживать всякие нападения со стороны администрации»¹¹. Характерно, что председатель II Думы совершенно не интересовался подготовкой повестки дня, а также административной и хозяйственной стороной парламентской жизни (с. 384, 454–465, 468, 491, 493, 494), полагая, будто она налажена ещё Муромцевым (с. 491). На практике это усугубляло неосведомлённость председателя о происходившем в Таврическом дворце и осложняло функционирование канцелярии Думы¹².

По-видимому, Фёдор Александрович искренне симпатизировал представителям социалистических фракций. Так, он позволил социал-демократу И.Г. Церетели публично обвинять правительство в связях с «помещиками-крепостниками» (с. 379–380). Предупредительное отношение председателя к левым проявлялось и в том, что по «щекотливым и экстренным вопросам» он неизменно советовался со своими товарищами – трудовиком М.Е. Березиным и примыкавшим к Трудовой группе Н.Н. Познанским (с. 492), хотя их деловые качества вызывали сильные сомнения у современников¹³. Между тем его открытая любовная связь с А.В. Скурдиной, которую в воспоминаниях он скромно именовал «моим другом» (с. 196, 338, 341, 545), шокировала думцев, что сказывалось на авторитете Фёдора Александровича¹⁴. 29 апреля 1907 г. после «Зурбовского инцидента» кадетский ЦК уже обсуждал возможность его отставки. И хотя Головин пишет о безусловной поддержке товарищей по партии (с. 509–512), на деле лишь незначительное большинство (9 против 7) под влиянием Ф.И. Родичева решило «ничего не предпринимать», но в случае, если другие фракции поставят вопрос о доверии «спикеру», убедить его сложить свои полномочия¹⁵.

Личные качества председателя, наряду с радикальным партийным составом, не могли не оказаться на законодательной результативности Думы и её отношениях с правительством. Бескомпромиссность Фёдора Александровича, граничившая с бес tactностью, явно мешала взаимодействию с императором и председателем Совета министров. Об этом свидетельствовали и столкновения со Столыпиным из-за допуска публики на думские заседания (с. 429–433)¹⁶, и отказ вставать при оглашении товарищем председателя Государственного совета И.Я. Голубевым царского приветствия (с. 365), и перенос слушания правительенной декларации под предлогом необходимости поиска нового здания для Думы после обвала штукатурки в Таврическом дворце (с. 374). Переговоры части членов кадетской фракции со Столыпиным Головин считал заведомо бесперспективными, хотя далеко не все его товарищи были настроены столь пессимистично (с. 384)¹⁷. Имел место и страх перед левыми депутатами. 1 марта 1907 г. Головин писал супруге: «Я лично не считаю возможным ехать к премьер-министру первым, потому что он, Столыпин, виновник того режима, который вызвал такое общее негодование. Если я поеду к нему первый, то мне лучше не появляться в Думе на председательском месте»¹⁸. О своих немногочисленных шагах, сделанных навстречу власти для спасения II Думы, Головин в мемуарах умалчивает¹⁹.

На страницах воспоминаний Головина встречаются выразительные характеристики его современников – Николая II, Столыпина, Муромцева, Милюкова, Челнокова и др. Так, Челноков, старый сподвижник Фёдора Александровича, представлен как неутомимый фантазёр, плохо отличавший реальность от плодов своего бурного воображения. Вместе с тем «материа-

лист и человек практики, он стремился более к достижению материальных благ и власти, чем к достижению отвлечённых идеалов» (с. 549–550). В Столыпине, по словам мемуариста, «чувствовался не хитрый царедворец, не достигший власти связями и интригами бюрократ, а убеждённый враг революции» (с. 381). Примечательно, что в более ранних воспоминаниях о II Думе такой фразы не было²⁰. Возможно, она появилась под влиянием М.Н. Покровского, отмечавшего в предисловии к публикации записок Головина в «Красном архиве», что Столыпин превратился в них в «мелкую, вознесённую «случаем» фигуру»²¹.

Издание воспоминаний прекрасно оформлено и богато иллюстрировано, в том числе и рисунками самого мемуариста (с. 129, 210, 211, 221, 251 и др.). В приложении к книге составители поместили черновые варианты отдельных глав, текст речи, произнесённой Головиным на похоронах Муромцева в 1910 г., документы 1930-х гг. о восстановлении Фёдора Александровича в избирательных правах, о назначении ему пенсии и т.д. Эти материалы отчасти раскрывают процесс создания опубликованной рукописи и позволяют уточнить ряд фактов биографии её автора. Выясняется, например, что в 1905 г. во время декабрьского восстания в Москве при его содействии в помещении губернской земской управы был организован врачебно-питательный пункт (с. 609). Однако читателю не менее полезно было бы увидеть среди приложений и ранние очерки Головина, как уже напечатанные, так и ожидающие публикации (например, о московском губернском предводителе дворянства П.Н. Трубецком)²².

К сожалению, в книге есть и досадные недостатки. На некоторых её страницах размещены фотокопии листов рукописи (в частности, оглавление, предисловие, начало каждого

раздела), и на них видны исправления, вставки и зачёркивания (с. 14, 16, 266, 268, 282, 314, 316, 318, 595). Вероятно, имелись они и в других местах. Однако ни в комментариях, ни в подстрочных примечаниях это никак не оговорено, за исключением одного случая (с. 317). Комментарии разъясняют только смысл используемых автором понятий, но не контекст описанных им событий, не говоря уже об отсутствии сравнения оценок, содержащихся в мемуарах 1930-х гг. и предыдущих очерках. Биографические справки, как правило, очень кратки и не всегда точны. Так, в одной из них ошибочно сообщается, будто А.И. Гучков стал членом Государственного совета в 1907, а не в 1912 г. (с. 559).

Тем не менее широкий круг читателей и исследователей получил возможность ознакомиться с ценным источником, содержащим важную информацию об общественной и политической жизни рубежа XIX–XX вв. и о деятельности одного из видных либеральных политиков того времени. Хочется надеяться, что вскоре обширное мемуарное наследие Ф.А. Головина будет опубликовано полностью.

Примечания

¹ Записки Ф.А. Головина // Красный архив. 1926. № 6. С. 110–149; Разгон II Государственной думы // Там же. 1930. № 6. С. 60–65; Из записок Ф.А. Головина // Там же. 1933. № 3. С. 140–149; Головин Ф.А. Вторая дума по воспоминаниям её председателя // Исторический архив. 1959. № 4. С. 136–165; № 5. С. 128–154; № 6. С. 56–81.

² РГИА, ф. 1625, оп. 1, д. 13, л. 1–2 об.

³ Гордеев П.Н. Ф.А. Головин: либеральный политик революционной эпохи // Российская история. 2020. № 1. С. 106.

⁴ Фрагменты, посвящённые этому времени, ранее публиковались отдельно: Московский лицей по воспоминаниям Ф.А. Головина (1878–1887) // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. 24. М., 2018. С. 708–728.

⁵ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. Воспоминания современника / Публ. С.В. Куликова. М., 2023. С. 83. См. также: Гайда Ф.А. «Если бы только учителя нам больше говорили о России...»: юношеские годы будущих кадетских лидеров // Родина. 2015. № 2. С. 100–102.

⁶ Подробнее см.: Орлов В.И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934. С. 193–199.

⁷ Джунковский В.Ф. Воспоминания (1905–1915 гг.) / Под ред. А.Л. Паниной. Т. 1. М., 1997. С. 65, 99; Маклаков В.А. Власть и общественность... С. 298; Островский А.В. Россия. Самодержавие. Конституция. Т. 1. М., 2020. С. 668–670.

⁸ Приговоры и наказы крестьян Центральной России. 1905–1907 гг. / Сост. Л.В. Сенчакова. М., 2000.

⁹ Гордеев П.Н. Ф.А. Головин... С. 113.

¹⁰ Ср.: Записки Ф.А. Головина. С. 122–125, 139–147; Головин Ф.А. Вторая дума по воспоминаниям её председателя // Исторический архив. 1959. № 4. С. 147–148; № 6. С. 61–62.

¹¹ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 56.

¹² Там же. С. 55; Гордеев П.Н. Ф.А. Головин... С. 110.

¹³ Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. 20 февраля – 2 июня 1907 года. М., 2022. С. 103; Водовозов В.В. «Жажду бури...». Воспоминания, дневник. Т. 2. М., 2023. С. 116.

¹⁴ Представительные учреждения Российской империи... С. 59; Гордеев П.Н. Ф.А. Головин... С. 113.

¹⁵ Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 1. 1905–1911 гг. М., 1994. С. 198–199.

¹⁶ См. также: Столыпин П.А. Переписка. М., 2004. С. 151–152.

¹⁷ Там же. С. 154.

¹⁸ Представительные учреждения Российской империи... С. 56.

¹⁹ К примеру, после того, как император 19 мая 1907 г. выразил недовольство неработоспособностью депутатов, Головин явился в комиссию, составлявшую законопроект о неприкосненности личности, с просьбой ускорить занятия и представить их окончательный результат «на следующей неделе» (Представительные учреждения Российской империи... С. 90).

²⁰ Головин Ф.А. Вторая дума по воспоминаниям её председателя // Исторический архив. 1959. № 4. С. 153–154.

²¹ Записки Ф.А. Головина. С. 110.

²² РГИА, ф. 1625, оп. 1, д. 7.